

ПУШКИН И «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»*

Сюн Цзун-Хуэй**

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния творчества Пушкина на литературу «серебряного века». Несмотря на новаторство и творческую индивидуальность, писатели «серебряного века» так много почерпнули у Пушкина, что не заметить этого нельзя. Автор последовательно анализирует основные вехи в творчестве великого Пушкина и рассматривает те ключевые моменты, которые стали основополагающими в творчестве его преемников и последователей – независимо от того, признавали они себя последователями Пушкина или нет.

Ключевые слова: Пушкин, серебряный век, традиция, преемственность, новаторство

* 本文 2008 年 12 月 26 日到稿，2009 年 1 月 19 日審查通過。

** Ассистент профессора факультета иностранных языков и литератур Тайваньского университета.

Pushkin and “Silver Age”*

Hsiung, Tsung-Huei**

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the influence of Pushkin's work on the “Silver Age” literature. In spite of innovating and creative individuality, the writer of “Silver Age” has so much in Pushkin that should not be ignored. The author consecutively analyzes basic landmarks in great Pushkin's work and examined those key moments, which became fundamental of his successors and followers – regardless of the fact, they recognized themselves as Pushkin's followers or not.

Key words: Pushkin, Silver Age, tradition, succession, innovation

* Received: December 26, 2008; Accepted: January 19, 2009.

** Assistant Professor, Department of Foreign Languages and Literatures, National Taiwan University

I. Пушкин – символ народной правды и народного разума

Чем больше мы читаем поэтов «серебряного века», тем больше можем понимать, как велико для русской литературы значение Пушкина.

Творчество гениального писателя — итог предшествующего и начало последующего развития. В русской литературе Пушкин, по ставшему уже крылатым выражению Горького, — «начало всех начал». Творчество Пушкина, неповторимое как целое, включает в себя стороны, аспекты, черты, сближающие его в том или ином отношении с другими русскими писателями. Он стал началом, которое связало в последующем многие линии русской литературы, а также заложило основы и ее будущего развития.

Цель данной статьи — проследить преемственность в русской литературе, определить те основные линии, которые восходят в литературе «серебряного века» к пушкинским истокам, к творчеству и мировосприятию великого русского поэта.

Пушкин стал тем идеалом, который боготворили и к которому стремились многие русские писатели, считая Пушкина своим кумиром. В самом деле, к традиции, которая связывается с именем Пушкина, восходят и титанизм Лермонтова, и философичность Тютчева, и эпичность Толстого, и психологизм Чехова. Воспринимает и по-своему переосмысливает Пушкина и молодой Лермонтов: «юноша Лермонтов идет по его следам как бы только для того, чтобы набраться сил для борьбы с ним же. Он поднимает брошенного Пушкиным на пути своем Байрона, чтобы бороться тем же оружием. В английской и немецкой поэзии он ищет новый источник для русского стиха, чтобы освободиться от пушкинского четырехстопного ямба»¹.

Выходя за рамки собственно литературного творчества Пушкина, следует

¹ Эйхенбаум Б. *О поэзии*. — Л. 1969. С.24-25.

говорить о воздействии, которое оказывает на формирование всей русской культуры пушкинская философия жизни, его идеология, этика. И если в сфере поэзии Пушкин выступает в роли «завершителя», в творчестве которого синтезируется эстетический опыт XVIII века, то в сфере прозы он гениально открывает пути, по которым пойдет ее развитие в последующие периоды.

Пушкинская традиция в отличие от тех, что связывается с именами других художников слова, носит поистине всеобъемлющий характер: миновать ее оказывается невозможно, хотя претворяется она в творчестве русских писателей всякий раз иначе, способствуя раскрытию, реализации собственной творческой индивидуальности каждого из них. Действительно, анализируя творчество многих писателей послепушкинской поры, в первую очередь поэтов «серебряного века», мы приходим к выводу о том, что та множественность образов и поэтических описаний восходит к творчеству великого Пушкина. То совершенство, которого достигли многие писатели после Пушкина, невозможно было бы без опоры на наследие поэта.

Процесс освоения пушкинской традиции отнюдь не означает прямого повторения, подражания русскому гению. Но это «освобождение» открывало возможность выхода на «запасной» путь русской поэзии, который и был осуществлен Тютчевым и Фетом, а впоследствии — символистами. В свою очередь, символисты заговорили о Пушкине, став «победителями и мэтрами», а «из недр символизма возник новый классицизм — в поэзии Кузмина, Ахматовой и Мандельштама находим мы новое ощущение классического Пушкина».²

Плодотворным, как мы видим, является даже «отталкивание» от пушкинской традиции, которое на новом этапе развития неизменно вновь выводит к ней, но уже

² Эйхенбаум Б. Там же. С.24-25.

воспринимаемой иначе, через призму собственного опыта, обретенного на указанных Пушкиным путях. Говоря о том, как осуществляется преемственность, нужно учитывать все возможные аспекты: внутренние и внешние, личные пристрастия художника, общественные и исторические обстоятельства, осознанное стремление к обновлению стиха и т. д.

Сам Пушкин в истории русской литературы выступает в роли не только новатора, но и продолжателя традиций: он «исходит из традиции русской литературы, начиная от средневековых летописей, житий и «Слова о полку Игореве» и кончая ближайшими поэтическими предшественниками (Державиным, Жуковским и Батюшковым)». ³ Наследуя сложившиеся к этому времени общественно-исторические, морально-философские и эстетические идеи, Пушкин решает стоявшую перед русской лирикой в 1810-1830 годы «задачу выражения гражданских идей и задачу раскрытия душевной жизни». ⁴ Тогда же он осознает значение прозы в реализации встающих перед искусством задач. Пушкинский интерес к сюжетным построениям приводит его к прозе. В свою очередь, опыт русской прозы, в основании которой лежат произведения Пушкина, отзовется в развитии поэзии. Наиболее яркое тому доказательство — поэзия Ахматовой, с ее тяготением к повествовательности, сюжетности, диалогизму, психологичности. По нашему мнению, истоки поэтического развития Анны Ахматовой следует искать в развитии русской классической прозы.

В творчестве Пушкина находит художественную реализацию поразительно богатая личность, «оптимистическая вера в нем опирается на глубокое убеждение в том, что наряду с разумом и волей жизнью человека должны управлять «чувства

³ Ищук Г. Н. *Пушкин и русская литература*. — Калинин. 1983. С.5.

⁴ Гинзбург Л. Я. *О лирике*. — М. 1964. С.13.

добрые» и совесть как «высшая этическая категория».⁵ Неразделимое единство этики и эстетики обуславливает силу воздействия пушкинского слова, возможность решения важнейших задач, которые ставило перед поэтом время.

Чрезвычайно важная особенность Пушкина, с огромной силой сказавшаяся в развитии русской литературы (и, шире — национального самосознания), — способность поэта активно осваивать всю европейскую культуру. Его авторитетами, учителями становятся Данте и Гете, Шекспир и Байрон, а также Гофман, В. Скотт, Д. Вильсон и др. Один из примеров того, сколь плодотворен процесс такого освоения — «Маленькие трагедии» поэта: темы, сюжеты, персонажи их встречаются в сочинениях разных — иноземных — авторов, но воспринимаются как создания пушкинского гения, служат воплощению его представлений о мире и человеке. Благодаря Пушкину русская литература выходит из замкнутого культурного пространства и, не теряя своей национальной самобытности, осознает свою принадлежность к мировой литературе.

Говоря об исключительном значении личности Пушкина, необходимо напомнить о том, как была воспринята — и воспринимается до сих пор — его гибель: на дуэли с Дантесом Пушкин защитил не только свою личную, семейную честь, но подлинно — честь народную. Потому-то толпы людей, узнав о его смерти, собирались у дома поэта с ужасом, скорбью и смятением и, по словам Ахматовой, «навсегда вместе со всей Россией там остались».⁶ Можно сказать, что это был своеобразный исторический момент национального единения.

Значение Пушкина в истории русской литературы и культуры в целом было осознано вскоре после его гибели. Об этом писал Белинский, видевший в Пушкине представителя пробудившегося общественного сознания. Достоевский же называл

⁵ Копытцева Н. М. *Художественная традиция в историко-литературном процессе*. — Л. 1988. С.25.

⁶ Ахматова А. *О Пушкине: Статьи и заметки*. — Л. 1977. С.6.

Пушкина символом народной правды и народного разума. Поэт Пушкин, по меткому определению А.Ахматовой, «победил и время и пространство».⁷

II. Пушкинская эстетика в русской литературе на рубеже XIX—XX веков

Представление об эстетической значимости творчества Пушкина было в свое время так сформулировано В.Соловьевым: «Ни в чем, кроме красоты, настоящая поэзия не нуждается: в красоте — ее смысл и польза».⁸ Недостигаемые образцы такой красоты встречаются именно у Пушкина и становятся в русской поэзии своего рода эталонами. Источником совершенства оказывается вдохновение — понятие чрезвычайно важное для Пушкина. К этому понятию, к пушкинскому представлению о Музе, диктующей записываемые поэтом строки, выходит и обращение к природной стихии мира, с которым мы встречаемся в поэзии Тютчева и Фета, и сумеречные, смутные ожидания приближения Софии у символистов, и ахматовская Муза, что «жестче, чем лихорадка оттреплет». Так сказывается, по словам В. Соловьева, «пробуждение поэзии не как деятельности ума, а как состояния души, охваченной лирическим волнением и стремящейся излиться в свободном проявлении...»⁹. Но такая свобода творчества обусловлена не только поэтическим талантом, но и способностью осваивать, делая своим, чужой творческий опыт, наконец, трудом, сладостная тяжесть которого хорошо известна поэтам и в первую очередь Пушкину.

Другим важным элементом воспринимаемой именно от Пушкина системы

⁷ Ахматова А. — Там же.

⁸ Соловьев В. *Значение поэзии в стихотворениях Пушкина*. // Соловьев В. *Литературная критика*. — М. 1990. С.228.

⁹ Там же. С.233.

представлений о роли и назначении поэзии является позиция поэта-пророка. Этим определяется его способность «глаголом жечь сердца людей», открывать свой слух голосу «шестикрылого серафима», а не невежественной «толпе». Традиция эта будет подхвачена и продолжена в русской поэзии, где миссия поэта рассматривалась едва ли не как священная. Вместе с тем, как справедливо отмечено В. Непомнящим, «пушкинский пророк — не элитарен. Пророки — это такие же люди, как все, но одаренные способностью слышать мир и говорить правду — и делающие это во всю меру сил, без боязни или невзирая на боязнь. Писатель претворяет не себя — он претворяет народное безмолвие в «неподкупный» голос, он — эхо этого безмолвия».¹⁰ Следует, однако, уточнить, что писатель в этом случае претворяет именно себя, но рамки собственной личности оказываются безмерно широки, что позволяет ему стать «эхом русского народа». И, если обратиться лишь к пушкинскому «пророку», то стоит подчеркнуть, что осуществление собственного предназначения дается поэту непросто — он проходит через муки, прежде чем его слово сможет дойти до людских сердец, обжечь их. И это принципиально важно. Миссия поэта, по Пушкину, величественна и столь же тяжела.

Осуществить свое назначение поэзия может лишь, обращаясь к людям, адресуясь к ним. Здесь перед Пушкиным — а впоследствии и перед другими поэтами — встает проблема, которая была обозначена словами «поэт и толпа». Нет необходимости вдаваться в рассуждение о содержании последнего термина, заметим лишь, что при любом его толковании проблема всегда сложных взаимоотношений поэта и его аудитории остается. Высокомерия по отношению к читателю у Пушкина нет, но идти на поводу у него, подлаживаться к его вкусам и требованиям поэт не собирался, более всего доверяя себе, стремясь пробудить и

¹⁰ Непомнящий В. *Поэзия и судьба*. — М. 1983. С.109.

укрепить в других высокую человечность, апеллируя к человеческой душе. Вот почему с такой горечью сказано им: «Холодная толпа взирает на поэта, как на заезжего фигляра!» Согласиться с этим он не мог и не хотел. И чем дальше, тем настойчивее твердит он (см.: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...», «Памятник», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Не дай мне бог сойти с ума...» и др.) о свободе и воле как непереносимом условии творчества, а вместе с тем — человеческого существования. Ни диктата толпы, ни диктата власти, в каких бы формах они ни выступали, Пушкин признавать над собою не хочет, и эта — творческая — свобода воспринимается как одна из важнейших традиций, освященных его именем. Лишь идя «дорогою свободной», поэт оказывается в состоянии, не воспаряя над действительностью, внести в нее — и в душу человеческую — так недостающую ей гармонию.

С именем Пушкина связывают в русской литературе и нечто противоположное всему сказанному нами выше: речь идет об эстетическом мифе о «чистой поэзии». В таком случае прямыми продолжателями творческого наследия Пушкина оказывались А. Майков и даже К. Фофанов.

III. Отношение символистов к пушкинской традиции — отрицание и продолжение

Существенно, что к авторитету Пушкина обращаются и те, с чьими именами связывается процесс обновления русского искусства на рубеже XIX—XX веков. Имя Пушкина стало объединяющим символом для зачинателей нового русского искусства. Вслед за этим наступила пора «преодоления» Пушкина: русские символисты ориентируются на иную поэтическую традицию — романтическую, представленную именами Жуковского, Тютчева, Фета, а еще — В. Соловьева.

Присущим классическому стилю Пушкина строгости, ясности мысли и слова они противопоставляли эмоциональность, желание воздействовать на читателя скорее звучанием, чем смыслом слов, которые должны были служить передаче смутных, неопределенных лирических переживаний. На рубеже XIX—XX веков пушкинская — классическая — традиция воспринималась символистами как архаическая, исчерпавшая себя: в пушкинской поэзии, по их мнению, отсутствовали личностное начало, глубина мысли, философии. Как ни странно это звучит, но пушкинское творчество оценивалось ими как недостаточно глубокое.

Но, разумеется, такого рода суждениями по поводу творчества дело у символистов не ограничивалось. Стремясь раздвинуть сферу поэтических традиций, они обращались к иным — менее громким, чем пушкинское — именам: прежде всего — к Тютчеву и Фету. Но «преодолеть» пушкинскую традицию было попросту невозможно — это очень скоро обнаруживается в символистской поэзии, по-своему осваивающей пушкинское наследие. Напомним и о прямых обращениях к Пушкину: наиболее яркий тому пример — книга В. Брюсова с характерным названием «Мой Пушкин». Напомним: освоение традиций — процесс двусторонний, включающий в себя одновременно сохранение и отрицание, продолжение и отталкивание. Но там, где речь заходит о Пушкине, никогда не было равнодушия. Кроме того, отметим также, что символисты вывели человека за пределы общества и стали рассматривать его как самостоятельную величину, равную по значению обществу и Богу. Ценность индивидуума они определяли богатством и красотой его внутреннего мира. Мысли и чувства человека были превращены в объекты исследования: они стали основой творчества. Внутренний мир человека рассматривался символистами как результат его духовного развития. Но ведь в этом они также во многом следовали за Пушкиным, несмотря на то, что так яростно его «отрицали».

Своеобразное «возвращение» к Пушкину начинается во второй половине первого десятилетия нового века. Оно вызвано сближением поэзии с действительностью, все возрастающим желанием вернуть русской поэзии тот авторитет, который она начала к этому времени утрачивать. Примечательно, что внимание привлекают теперь произведения, которые таят в себе некую, до сих пор до конца неразгаданную тайну, выводят к осмыслению исторических судеб русского народа, русского государства. В «Медном всаднике» наиболее важной оказывается мысль о неизбежности в процессе исторически закономерного развития столкновения мощной воли истории и человеческой личности. Пушкин славит величие дум Петра, благодаря усилиям которого Россия начинает преодолевать вековую замкнутость, приобщаться к мировой цивилизации: символом этого процесса становится «град Петров». Но этот же процесс ведет к гибели обычного человека, мечтающего о простом человеческом счастье. Для размышлений Пушкина о путях исторического развития России существенен и мотив, связанный с разбушевавшейся стихией, отказывающейся подчиняться человеческой воле и, в конечном счете, выступающей в качестве губительной силы.

Намеченная в пушкинской поэме тема «маленького человека», достойного сочувствия, перерастает в существенно важную для русской литературы тему «человек в потоке истории». Именно Пушкиным утверждается мысль о том, что история существует отнюдь не в стороне от человеческой жизни, но определяет его судьбу, входит в его сознание, проникает в душу. И это осознается с особой остротой в эпоху рубежа веков, что отражается и на миссии художника, перед которым встают поистине исторические задачи.

О том, как изменялось отношение символистов к Пушкину, позволяет судить, например, творчество Брюсова, прошедшего путь от эстетизма 90-х годов к импрессионистическому отрицанию пушкинского классического стиля и попытке

мистической разгадки «тайного» Пушкина. Но именно Брюсов позднее видел в Пушкине поэта, открывающего поэзии пути в будущее. Блок, для которого особенно важны были поэтические традиции, связываемые с именами Тютчева и Фета, наконец, В. Соловьева, тоже в конце концов выходит к Пушкину, воспринимая у него ощущение историзма. Свидетельство тому — поэма «Двенадцать», которая соотносится с «Медным всадником» благодаря драматической напряженности, порождаемой взбушевавшейся стихией. У Пушкина природно-историческая стихия в конечном счете входила в берега: «Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут...» У Блока стихия иная, не природного свойства, но и в «Двенадцати» возникает мысль о необходимости — и возможности — установления нового порядка и строя: вот почему персонажи поэмы «вдаль идут державным шагом». Несомненна ориентация на Пушкина — поэта, который ставит проблему волевого самоопределения человека, как главную задачу на пути исторического развития России.

Известно, что о своем восприятии Пушкина как художника, оставшегося в прошлом, демонстративно заявлял А. Белый. И в романе «Петербург» обнаруживаются глубинные связи с гоголевской традицией, к которой восходит страшная, угнетающая и безнадежная атмосфера буржуазного общества, а также с традицией Достоевского с его мучительно-сложным восприятием действительности. Но обратим внимание на то, что все восемь глав «Петербурга» начинаются стихотворными эпиграфами из Пушкина: из «Медного всадника», из «Евгения Онегина», из «Бориса Годунова» и из двух лирических стихотворений «Не дай мне бог сойти с ума...» и «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» Очевидно, Пушкин нужен здесь именно «в сиянии своей прозрачной и трезвой мудрости и высокой простоты», и эти эпиграфы «сводят сложное к итоговой простоте,

просветляющей и мудро очеловечивающей эту болезненную сложность».¹¹ Очевидно, светлая мудрость и высокое самообладание Пушкина кажутся Белому более всего нужными для России в новую для нее историческую эпоху: вот почему возникает здесь имя Пушкина.

Разумеется, путь, избранный символистами, в целом не был, так сказать, «пушкинским» — тем знаменательнее их восприятие и воспроизводство пушкинской традиции как общеэстетической, общекультурной.

IV. Возвращение акмеизма к пушкинскому наследию

Действительное возвращение к пушкинскому наследию происходит позже, и связывается оно более всего с возникновением акмеизма, для которого характерно тяготение к воспроизведению мира в его предметности, «конкретности, целомудрии в поэтическом словоупотреблении» (Н. Гумилев), к ясности и логичности, гармонии и поэтической речи, равновесию между словом и смыслом. И не случайно, обращаясь к новому, поэтическому направлению, В. М. Жирмунский особо выделял лирику Ахматовой, «с ее словесной четкостью и строгостью, с ее любовью к эпиграмматической формуле и расчлененной логической композиции, с ее отказом от лирических повторений и элементарной напевности песенного типа», видя во всем этом «возвращение к классической традиции», возводимой исследователем к имени Пушкина.¹² В этой связи существенны и суждения Н.В.Недоброво. В своей статье, опубликованной после выхода в свет сборника стихов «Четки» (1914) он в тоне высокого панегирика писал об интимных, камерно-любовных стихах Ахматовой, убежденный в том, что «напряжение

¹¹ Максимов Д. *Русские поэты начала века*. — Л. 1986. С.280.

¹² Жирмунский В. М. *Валерий Брюсов и наследие Пушкина*. // Жирмунский В. М. *Теория литературы. Поэтика. Стлистика*. — Л. 1977. С.203.

переживаний и выражений Ахматовой дает иной раз такой жар и такой свет, что от них внутренний мир человека сливается с внешним миром. Только в таких случаях в стихах Ахматовой возникает зрелище последнего». Для понимания творчества Ахматовой в свете именно пушкинской традиции особенно существенными (и это станет ясно позже, пророческому дару критика не перестанет удивляться сама Ахматова) были слова о самостоятельности поэта, полного мужества и смелости. Потому-то критик не побоялся, обращаясь к стихам начинающего поэта, сказать о том, что «одержимые ею (ее поэзией), мы и более ценной и более великой видим и свою, и общую жизнь» и что «песнь Ахматовой — восстановление гордого человеческого самочувствия», вместе с тем подчеркивая, что «у Ахматовой есть дар героического освещения человека», и что, «прочитав ее стихи, мы пополняем новой гордостью за жизнь и человека». Источник этой духовной силы, свойственной Ахматовой «жесткости и твердости», Н. В. Недоброво увидел именно в Пушкине, ссылаясь на его слова «Идешь, куда тебя влекут / Мечтанья тайные». «Такой сильный поэт, как Анна Ахматова, конечно, последует завету Пушкина.»¹³, — вот конечный вывод критика.

Не ставя перед собою целью изучение воздействия Пушкина на развитие русской поэзии XX века, отметим в заключение, что именно с пушкинской традицией связывается представление о масштабности поэтической мысли и гармонической точности стиха, возможности выявления всеобщего значения неповторимого душевного события, соотнесенности чувства истории с чувством современности, наконец, многообразии лирических тем, скрепляемых личностью поэта, являющегося современником читателю. И, разумеется, именно Ахматова, заботясь о «неповторимых словах», воспринимает эту традицию как животворную,

¹³ Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма. — Л. 1990. С.56, 65-68.

ощущая себя подлинной наследницей провозглашенных Пушкиным ценностей. Л. Гинзбург, называя Ахматову «поэтом традиций проявленных, неким конструктивным элементом входящих в ее собственную лирическую систему», сравнивает ее в этом отношении с Пушкиным и уверенно констатирует: «Творчество Анны Ахматовой свидетельствует о том, что сознательно, открыто утверждаемая традиция не только не противопоставлена новизне, но, напротив того, делает новизну особенно ощутимой».¹⁴

В процессе развития русской литературы отношение к Пушкину и пушкинской традиции не оставалось неизменным. Одного не было — равнодушия: Пушкину подражали, Пушкину следовали, наконец, от Пушкина отталкивались, от его наследия отказывались. Но как бы то ни было, имя это всегда оставалось в русской поэзии — и в общественном сознании — на первом месте, а отношение к нему определялось прежде всего теми задачами, которые ставят перед собою — подчиняясь велениям времени или по иным причинам — идущие вослед поэту.

¹⁴ Гинзбург Л. *О лирике*. — М. — Л. 1964. С.365-366.

Литература

Ахматова А. А. Собрание сочинений в 6 томах. Том 6. Данте. Пушкинские штудии.

Лермонтов. Из дневников. М: Эллис Лак, 2002.

Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. Л.: Советский писатель, 1977.

Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997.

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Ишук Г. Н. Пушкин и русская литература. Калинин, 1983.

Копытцева Н. М. Художественная традиция в историко- литературном процессе. Л.,
1988.

Максимов Д. Русские поэты начала века: Валерий Брюсов. Александр Блок. Андрей
Белый. Анна Ахматова. Л., 1986.

Непомнящий В. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. М., 1983.

Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1957.

Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990.

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л.: Художественная литература, 1986.